

Июль

— Следующий! Кто, кто следующий? — заметалась, квохча, крупная дама в пудровом летнем костюмчике — нарядном и модном, но совершенно не украшающем слишком массивную фигуру женщины.

Мягко говоря — костюмчик сидел на даме как на корове седло.

Как ни странно, но некоторые люди совершенно не умеют одеваться. И при этом сохранять спокойствие. Деньги у них есть, а вкуса и выдержки нет ни капли.

Натка кротко закатила глаза и правой рукой подтянула поближе сына, похожего сегодня на большую дорогую куклу, а не на маленького разбойника, как обычно.

Нервничающий Сенька был фарфорово бледен, круглые голубые глаза его сверкали, обычно непокорные вихры застыли красивыми волнами, зафиксированными парикмахерским гелем. Идеально отутюженные черные брючки, девственно-белоснежная рубашечка — с гал-

стуком! — и до блеска начищенные туфли завершали картину.

Сеньку можно было ставить на свадебный торт как кондитерский аватар жениха — в паре с любой из присутствующих тут же девочек, принаряженных в едином стиле: в пышное, нежное, белое.

Можно подумать, благородных барышень к первому причастию привели, а не на просмотр — или как правильно называется это нервное действие? — для поступления в первый класс.

— Кто, кто? — не получив ответа, снова заклохотала модная корова в пудровом.

— Мы, мы! — не издеваясь, просто так вышло, промычала Натка, левой рукой удерживая приоткрытую дверь с отпечатанной на принтере табличкой «Приемная комиссия».

Ширина щели у косяка была тщательно выверена методом проб и ошибок. Распахнув дверь пошире, следовало вскоре ждать гневного окрика изнутри: «Закройте, пожалуйста!» Прикрыв слишком плотно вы лишались возможности узнать первой о результате очередного собеседования.

Уважаемая приемная комиссия не приветствовала присутствие в коридоре заинтересованных зрителей и не одобряла какой-либо интерактив.

Зрителям — читай, родителям, преимущественно модным мамашам, — следовало тихо,

молча ожидать под дверью, воздерживаясь от вопросов, комментариев и, упаси Бог, подсказок. Но мамы были не из тех, кто привык ожидать и при этом помалкивать, поэтому в коридоре былолюдно, шумно и нервозно.

Разноцветные наряды родительниц были щедро разбавлены черно-белой классикой детских парадных одежд, но в глазах от этой пестроты все равно рябило буквально до тошноты.

Одной девочке и в самом деле стало плохо, бедняжку даже вырвало, ее увели в медпункт, а нервозности оставшимся добавила явившаяся уборщица с ведром и шваброй. Выглядела она в своей синей униформе почти элегантно, а ворчала совершенно классически: «Ходят тут всякие...» — и так и норовила пройтись мокрой тряпкой по дорогим туфлям этих всяких.

Эти всякие, даром что не из последних людей — почти сплошь «богатенькие буратины», боязливо отмалчивались.

Кто знает здешние порядки, может, и уборщица скажет свое веское слово, когда будет решаться, брать ребенка в элитную школу или не брать. Тех, кого на пол тошнит, определенно не возьмут, а с остальными-то пока непонятно...

Дверь под Наткиной рукой дрогнула и рывками пошла на нее, выпуская полуобморочную девочку в белом. У бедняжки был дикий взгляд, потный лоб и такой лихорадочным румянец, словно уважаемые члены приемной комиссии

битый час рассказывали ей неприличные анекдоты или — с поправкой на элитность заведения — читали вслух «Лолиту» Набокова.

— Алина! Линочка! Ну что? Ну как?!

Очередная дама в модном летнем костюмчике (светлый беж, натуральный лен, юбка с запахом, рукава буфами — и все тот же эффект «седла на корове») пылко прижала полуобморочную девочку в белом к своей пышной груди.

Тесно притиснутая к бежевому льну девочка Линочка молчала, слабо трепыхаясь, как выловленная в пруду золотая рыбка.

— Следующий! — нервно рыпнулась толстуха в пудровом и попыталась пропихнуть под локтем Натки свое собственное чадо — набриоленного мальчика в черно-белом костюме с галстучком.

Тут Натка подумала, что совершила ошибку, когда не позволила Сеньке пойти на собеседование в джинсовых шортах с бахромой и майке с толстой желтой зайцебелкой, именуемой покемоном.

Майка была старая — покемоны уже почти вышли из детской моды, но любимая и, главное, счастливая. В ней Сенька выиграл дворовый чемпионат по мини-футболу, выловил на рыбалке с дядей Костей Таганцевым здорового карася и не сломал, а лишь ушиб руку, свалившись с шелковицы в саду приморского домика дяди Никиты Говорова, друга семьи.

Трудновыводимые пятна от ягод шелковицы с покемоновой майки, кстати, невероятным образом отстирались без следа — реально чудо-прикид, настоящий амулет на удачу.

Ой, зря она настояла на брючках с рубашечкой, тем самым убив всю Сенькину индивидуальность...

Но сокрушаться было уже поздно.

— Стоять! — Натка перехватила чужого черно-белого мальчика и ввинтила на его место своего собственного. — Сеня, готов?

— А если нет? — все-таки проявил неубиваемую индивидуальность Сенька.

— Разговорчики в строю! — грозно рывкнула Натка.

И спешно пригладила на голове сына непокорные вихры, вопреки парикмахерскому средству норовящие превратиться в подобие предательских рожек и выставить ее маленького ангела сущим исчадием.

Пальцы слиплись от геля. Несмотря на это, взволнованная Натка склеившимися перстами тут же истово перекрестила Сеньку. Он скривился. Натка погрозила ему пальцем, а потом последовательно показала «вилку» — знак «Виктория», большой палец и кукиш.

Совсем недавно она верстала в своей газете заметку «Пять жестов пальцами, которые приносят удачу» и собиралась применить полученные знания прямо сейчас. Полученные сведения пригодились к месту.

Не тот был случай, чтобы хоть чем-то пренебрегать: конкурс в эту элитную школу образовался просто дикий — восемь человек на место!

— Пальцы скрести! — с этими словами любящая мать под взглядами несколько ошалевших от ее загадочной жестикуляции родителей решительно втокнула сына в логово приемной комиссии, придумав дополнительный «бонусный» жест для сыночка.

Вот придумали же пытку для невинных деток-дошколят!

Неубиваемый Сенька воинственно шмыгнул носом, обреченно протопал в класс и пропал из виду.

Натка прильнула к косяку.

Через щель приоткрытой двери открывался внушительный вид на уважаемых членов приемной комиссии.

Три важные дамы, ориентированные к зрителям в коридоре в профиль, бок о бок сидели за покрытым длинной скатертью столом. В этой диспозиции они очень напоминали Натке что-то смутно знакомое, когда-то крайне важное...

А-а-а, она догадалась: барельеф с изображением Маркса, Энгельса и Ленина!

Натка не сдержалась, хихикнула и поймала на себе сочувствующий взгляд тетки в пудровом. Та, похоже, решила, что чужая мамаша на нервной почве двинулась умом.

— Очень волнуюсь, — поддерживая эту версию, доверительно призналась Натка пудровой тетке.

И, кстати поймав гениальную мысль, полезла в сумку за своей пудреницей.

Не для того, чтобы поправить макияж, разумеется: из пудреницы с зеркальцем при должной ловкости можно было соорудить подобие перископа.

Ловкость у Натки имелась, перископудреница была быстро приведена в боевую готовность, умело задействована и, наскоро пристрелявшись, она поймала в прицел Сеньку.

Он уже что-то отвечал, умильно тараща большие голубые глаза на «Маркса-Энгельса-Ленина» без усов-бород, зато с бюстами.

Важные дамы взирали на милого мальчика с непроницаемыми лицами — как будто и вправду их из мрамора высекли!

— Ничего, ничего, это ненадолго, — вслух подумала Натка, не сомневаясь ни в одном из многочисленных талантов любимого сына.

Особенно в его уникальной и неповторимой способности выводить из себя самых сдержанных взрослых, будь то благостные буддистские монахи, терпеливые индийские йоги или нордически спокойные потомки тевтонских рыцарей.

В Сеньке убийственно сочетались детская непосредственность, природная любознательность и неумная энергия. В отличие от других

мамаш, тихо возмущавшихся несправедливостью пропорции «трое взрослых на одного ребенка», Натка нисколько не сомневалась, что и при таком раскладе ее Сенька выйдет победителем.

Опыт побед над взрослыми у него имелся.

К примеру, когда Сеньке было пять, он втихаря удрал от стариков в деревне и отправился в самоволку, тормознув на проселке армейский грузовик. В кузове под тентом сидели солдаты. Несмотря на то что при них имелись свои командиры, через час под руководством Сеньки они дружно пели хором «Если с другом вышел в путь» и даже позволили юному массовику-затейнику снять фрагмент этого концерта на телефон, так что позже Натка смогла оценить безупречную слаженность армейского хора.

Правда, в тот раз авантюристу и манипулятору Сеньке не удалось добиться, чтобы его высадили у метро, но и в полицейском участке, куда его доставили спевшиеся армейские хористы, милый мальчик произвел неизгладимое впечатление.

Когда срочно вызванная Натка приехала за сыном, тот сидел в кабинете начальника, заливаясь не слезами, как следовало бы потерянному чаду, а чаем с конфетами в широком ассортименте.

Кто бы мог подумать, что суровые полицейские такие запасливые сладкоежки...

— Ну что там? Ну как? — очередная нервничающая мамаша невежливо толкнула Натку, желая самолично заглянуть в кабинет хотя бы одним красиво подкрашенным глазком с накладными ресницами.

— Все под контролем! — строго ответила Натка, под напором чужой силиконовой груди лишь пошатнувшись, но не сдав позиций.

Сенька и в самом деле справлялся. Мраморные лица «Маркса-Энгельса-Ленина» уже заметно размягчились, теперь на них читались вполне человеческие эмоции: У «Энгельса» — удивление, у «Маркса» — сомнение, у «Ленина» — простодушная радость. За вождя мирового пролетариата в комиссии отвечал специалист-логопед, и он успел было заскучать, но Сенька внес в происходящее свежую струю.

— Одеяло убежало, улетела простыня, — услышала Натка: испытываемый перешел к декламации. — И подушка, как лягушка, ускакала от меня...

Заскрипели половицы: это в классе перед лицом высокой комиссии проскакал резвый мальчик, талантливо изображающий подушку и лягушку в одном флаконе.

— Боже, боже, — строго по тексту тихо простонала Натка.

С полгода назад Сенька открыл для себя «Мойдодыра» Чуковского — и безоглядно влюбился в это бессмертное произведение.

Выразительный образ кривоногого и хромого умывальника, периодически являющегося такому же, как он сам, неидеальному мальчику, запал в детскую душу так глубоко, как не сумели этого сделать популярные современные киногерои. Айронмен, человек-паук, капитан Америка, могучий Тор и всякие там черепашки-ниндзя померкли в тени Мойдодыра — для Сеньки по-свойски Додырчика.

Мамину спальню — таинственный приют неуловимого Додырчика — ребенок обыскал и обшарил с простукиванием стен и половиц. «Где же он тут у тебя прячется?» — бормотал Сенька, ввинчиваясь под кровать с налобным фонариком из набора «Лего».

— Боже, боже, что случилось? Отчего же все кругом завертелось, закружилось и помчалось колесом? — донеслось из класса вместе с изумленно-испуганным возгласом, и тут же кто-то застучал ладонями по столу, прихлопывая взметнувшиеся бумаги.

В щель приоткрытой двери ветром вынесло одинокий кувыркающийся лист.

Черно-белые мальчики, нежные кисейные девочки и их душистые ухоженные мамочки в модных нарядах самых трендовых расцветок и фасонов молча отследили полет белого листа и дружно, как по команде, уставились на Натку.

— Ну так завертелось же, закружилось, — разведя руками, объяснила она.

Вновь заскрипели половицы.

— И помчалось колесом, — завершила свой комментарий Натка и опасно прислушалась к короткой паузе.

Ой, не к добру она...

— Ах ты, гадкий, ах ты, грязный, неумытый поросенок! — ликующе возвестил радостный детский голос под взрослый нервный смешок и длинный скрежет спешно отодвигаемого стула.

Натка заглянула в кабинет и наконец увидела свою родную кровиночку живьем, а не в зеркальце перископудреницы.

Сенька подскочил к столу высокой комиссии и обращался, не мелочась, прямоком к завучу, азартно уличая ее от имени и по поручению своего любимого Додырчика:

— Ты чернее трубочиста, полюбуйся на себя: у тебя на шее вакса, у тебя под носом клякса...

На шее у завуча было изящное серебряное кольцо от Тиффани, под носом приоткрылся в изумлении аккуратно на помаженный розовый рот, но Сеньку мелкие разночтения не смущали.

— У тебя такие руки, что сбежали даже брюки! — заклеимил он завучиху в безупречном платье-футляре. — Даже брюки, даже брюки убежали от тебя!

— Я думаю, достаточно, — кашлянула дама-психолог — «Карл Маркс» уважаемой приемной комиссии.